

Асано Кадзухиро потерял больше, чем когда-либо думал. Его родители были шиноби, такие же карьерные чунины, как и он сам. Вот только во Второй войне шиноби они погибли одними из первых, их тела не подлежали восстановлению, а он продолжал пробираться через поле боя за полем, больше выживая, чем сражаясь.

Он не сдал строгий выпускной экзамен в академии, и поэтому его не взяли в команду с джонином-сенсеем. Вместо этого его бросили в выгребную яму, которой был корпус генинов, чтобы он погиб, приняв кунай вместо более ценных шиноби. Чудо вытащило его из тупика, в который попало большинство, и он получил повышение в звании за то, что пережил остатки своего отряда и нанес смертельный удар по ранговому противнику, который он никогда не смог бы повторить без семи других трупов за спиной.

После того как его родители и сверстники легли в землю, у него остался только один важный человек. Его крестный отец, Имаи Хисаши, не совсем воспитывал его, поскольку был джонином и слишком занят войной, но он делал для Кадзухиро все, что мог. В те редкие разы, когда ему удавалось заглянуть к нему после смерти родителей Кадзухиро, он водил его поесть, разговаривал с ним, водил к Памятнику павшим и даже учил его дзюцу.

Потом Хисаши потерял руку, и Кадзухиро был противен себе за то, что это привело его в восторг. Шиноби, не умеющий формировать знаки руки, был практически бесполезен на фронте, где господствовали ниндзюцу среднего и дальнего радиуса действия, поэтому он был вынужден уйти в отставку. В конце концов. Цучикаге Сандайме направил его в Фугаторо, небольшую деревню, расположенную далеко позади их линии, в качестве промежуточной защиты между землями травы и земли.

Теперь Кадзухиро мог навещать его гораздо чаще, ведь ему почти не приходилось менять курс, чтобы проезжать через Фугаторо, возвращаясь с курьерских миссий, на которые его, похоже, только и посылали. Травма поначалу повергла Хисаши в депрессию, но через год он, похоже, смирился с этим.

Несомненно, к этому приложила руку его новая жена. Мана находилась примерно в таком же положении, хотя Хисаши признался ему, что ее травма, положившая конец карьере, была внутренней. Кадзухиро никогда не чувствовал себя уверенным в том, чтобы расспрашивать дальше, хотя оба они, несмотря на отсутствие общей крови, настаивали на том, что все они - одна семья. В семье скоро будет пополнение, ведь Мана забеременела вскоре после их знакомства.

У большинства куноичи это вызвало бы серьезные проблемы, поэтому Кадзухиро держал это в секрете, хотя и не спрашивал крестного отца, действительно ли это так необходимо. Возможно, они получили бы разрешение, насколько он знал; с учетом инвалидности Маны это был лучший способ внести свой вклад в будущее Ивагакуре.

В конце концов, это не имело значения, потому что, вернувшись в Ивагакуре с сообщениями с фронта, он обнаружил Фугаторо сожженным дотла, а четырех генинов, едва окончивших академию, копающими братские могилы.

"Что здесь произошло?" - хрипло спросил он, наблюдая, как один из них размягчает землю с помощью дзюцу, похоже, недостаточно искусного, чтобы полностью раскопать грязь.

"Атака Листьев", - коротко ответила девушка, бросив на него жалостливый взгляд, поскольку правильно истолковала его потерю. "Наш отряд был застигнут врасплох и ошеломлен ударной силой. Должно быть, были ранговые угрозы".

"Есть выжившие?" - оцепенело прошептал он.

"Пара", - ответила девушка, и в его душе зажглась искра надежды. "Их всех забрали в Айву."

Не говоря больше ни слова, он бросился бежать.

--- { } ---

Нагаи Тсунео вошел в комнату, заполненную медицинскими работниками и халатами, и вышел оттуда совершенно другим человеком. Жестокая и удручающая ирония судьбы заключалась в том, что, несмотря на профессию, именно Хенге было его самым распространенным дзюцу в эти дни.

Любые свидетели предположили бы, что Тсунео - лазутчик, и попытались бы либо убить его, либо сдать кому-нибудь, кто мог бы это сделать. Однако шпионом или предателем он не был. Он должен был находиться здесь, в этой больнице, в Хенге и во всем остальном.

Обман был необходим, чтобы скрыть тот факт, что у Мигаки-шо был только один медик-нин - он. Остальные были фальшивыми личностями, созданными по приказу Цучикаге и считавшимися секретом А ранга.

Ивагакуре была не похожа на Коноху, где, казалось, медиков-нинов хватало на любой контингент. Даже Тсунео, возглавлявший госпиталь, не знал их реального количества, но он обучил половину из них и сомневался, что у Ива их больше пятидесяти. Все они, кроме него, находились вблизи линии фронта. Это была неустойчивая и опасная практика, и Цунэо с ужасом ждал того дня, когда они потеряют еще больше, и его тоже отправят на фронт. Он знал, что в тот же день на деревню обрушится катастрофа, и некому будет собирать осколки.

Пока же он продолжал жить во лжи, утешаясь тем, что на данный момент избавлен от необходимости присутствовать при самых жутких случаях.

За некоторыми исключениями. Вчера поздно вечером его подняли с постели (пока еще в самой больнице, так как по необходимости он часто проводил дни, не покидая здание), чтобы помочь пострадавшим от ожогов из уничтоженной деревни к югу от Ивагакуре. Только пятеро пережили эту ночь, и один из них, скорее всего, умрет в ближайшие пару часов. Он не пытался спасти пациентку, поскольку ее шансы были невелики, а ему нужно было беречь чакру.

Поздно вечером он часто задумывался о том, сколько еще жизней ему удалось бы спасти, если бы он не был вынужден поддерживать свой Хенге - затраты чакры и без того были немаленькими. Но он легко мог предположить, как отреагирует Сандайме, если он затронет эту тему.

Не настолько, чтобы стоило рисковать.

"Гоя-сенсей!" - воскликнул голос, вырвав его из задумчивости. Он повернул голову и увидел запыхавшуюся медсестру, если ее можно было так назвать. Девочке было всего тринадцать, и Тсунео сомневался, что она продержится в его больнице еще месяц. Слишком наивная, слишком брезгливая.

"Да?" - огрызнулся он.

"Здесь какой-то мужчина, спрашивает о ребенке".

Ах, да. Ребенок.

"Родственник?" - спросил он.

"Возможно", - быстро ответила она. "Мы пока не уверены, из-за всей этой путаницы он просит ее увидеть, чтобы убедиться".

"Отлично. Я как раз направлялась в ожоговое отделение. Привезите его туда", - распорядился он.

Через минуту он проводил диагностику по расплавленному лицу мужчины средних лет, которого он держал в коме, вызванной чакрой, когда дверь с шумом открылась. Медсестра - он не совсем помнил ее имя - ввела молодого человека в жилете чуунина, с красными глазами и ссутуленными от горя плечами.

<http://tl.rulate.ru/book/103119/3592244>